

Диалогичность дискурса экстремизма

Т.В. Бердникова

Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, Москва 109028, Российская Федерация

Аннотация. В статье решается задача возможности выделения дискурса экстремизма в особый вид дискурса. В качестве критериев для его выделения предлагаются: общность тематики текстов, количественный параметр (достаточное количество текстов) и наличие в них жанрового разнообразия. Материалом исследования послужили тексты жанров диалогической и монологической речи: переписка в сети Интернет межличностного и публичного характера, статьи. Использовали методы лингвистического анализа (лексико-семантического, стилистического, семантического, коммуникативно-прагматического). В качестве основного признака дискурса экстремизма отмечается диалогичность, которая понимается как соотношение разных смысловых позиций, учет позиции адресата, учет оппонентов, реализация в диалоге автора. Рассматриваются формы репрезентации диалогичности в текстах и жанрах дискурса экстремизма. В результате исследования выявлены следующие особенности дискурса экстремизма: значимая роль адресата и адресанта, использование коммуникантами стратегий самопрезентации и дискриминации, противопоставленность групп «свои» и «чужие», актуализация концептов «свой» и «чужой».

Ключевые слова: лингвистическая судебная экспертиза, диалогичность, интернет-коммуникация

Для цитирования: Бердникова Т.В. Диалогичность дискурса экстремизма // Теория и практика судебной экспертизы. 2020. Т. 15. № 4. С. 27–31. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-4-27-31>

Dialogicality of the Extremism Discourse

Tat'yana V. Berdnikova

The Russian Federal Centre of the Russian Federation Ministry of Justice, Moscow, 109028, Russian Federation

Abstract. The article addresses the possibility of isolating extremism discourse as a specific kind of discourse. As criteria for such determination are proposed: a common subject, quantitative parameter (sufficient quantities of such texts), presence of a genre variety of texts of this discourse. The study material is the texts of the dialogue and monologue speech: correspondence on the Internet of interpersonal and public nature, articles. The linguistic analysis methods (lexical-semantic, stylistic, semantic, communicative-pragmatic analysis) were used to study the material. The main feature of extremism discourse is dialogicality, which is the relation of different semantic positions, consideration of the addressee's position, consideration of the opponents, and implementation in the author's dialogue. Forms of representation of dialogicality in texts and genres of the extremism discourse are considered. The study revealed the following features of the extremism discourse: significant roles of a addresser and addressee, the use of the strategies of self-presentation and discrimination by the communicants, the juxtaposition of "friends" and "strangers" groups, updating of the "friends" and "strangers" concepts.

Keywords: forensic linguistics, dialogicality, internet-communication

For citation: Berdnikova T.V. Dialogicality of the Extremism Discourse. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2020. Vol. 15. No. 4. P. 27–31. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-4-27-31>

В последние годы в обществе активно обсуждаются темы экстремизма и деятельности экстремистской направленности. Число соответствующих текстов, включая видео- и аудиозаписи, электронную переписку, креолизованные тексты, растет с каждым годом. Такое коммуникативное взаимодействие имеет диалогический характер.

Краткий обзор

Явление диалогичности широко изучается в связи с развитием теории диалога. Анализ диалога как структуры, представляющей собой диалогическое единство (реплика-стимул и реплика-реакция), в разных аспектах (структурно-семантическом, прагматическом, стилистическом и т. д.) сделало актуальным анализ диалогичности [1–5].

Диалогичность – «выражение в тексте (его организации) средствами языка взаимодействия общающихся в коммуникативно-познавательном процессе, понимаемое как соотношение двух или более смысловых позиций: это и учет позиции адресата (читателя), и второго «Я», и возможных оппонентов, а также отражение в речи собеседника диалога» [1, с. 138]. Все чаще говорят о диалогическом дискурсе [6, 7]. В рамках диалогического дискурса диалог понимается как «...тип дискурса, реализуемый в определенной коммуникативной ситуации, в которой коммуниканты обмениваются своими мыслями, а результатом этого общения становится текст» [6, с. 135].

Явление диалогичности изучается в различных областях лингвистики. Оно непосредственно связано с понятием текста, гипертекста, интертекстуальности, а также с коммуникативной и когнитивной лингвистикой. Диалогичность как основная черта общения характерна для разных видов коммуникации: письменной и устной, официальной и неофициальной. В современном языке отмечается «экспансия диалогических видов коммуникации» [8].

В связи с ростом коммуникативного взаимодействия, связанного с так называемым экстремизмом, возникает вопрос о выделении отдельного дискурса – дискурса экстремизма. Существует много критериев для выделения дискурса, множество их классификаций (см. работы В.И. Карасика [9], В.В. Дементьева [10] и др.). Вслед за А.К. Хурматуллиным можно сказать, что «природа дискурса тройственна: одна его сторона обращена к прагматике, к типовым ситуациям общения, другая – к про-

цессам, происходящим в сознании участников общения, и к характеристикам их сознания, третья – к собственно тексту» [11, с. 33].

Актуальным представляется определение Ван Дейка, ориентированное на социальную природу дискурса: «это речевой поток, язык в постоянном движении, вбирающий в себя все многообразие исторической эпохи, индивидуальных и социальных особенностей как коммуниканта, так и коммуникативной ситуации, в которой происходит общение. В дискурсе отражается менталитет и культура, как национальная, всеобщая, так и индивидуальная, частная [12, с. 47].

Для выявления возможности выделения дискурса экстремизма мы будем основываться на трех показателях: 1) тематике, 2) достаточном количестве соответствующих текстов, 3) наличии жанрового разнообразия текстов данного дискурса.

Поскольку исследуемые тексты могут быть объединены по признаку общности тематики, их достаточного количества, а также по признаку разнообразия жанров, можно говорить о наличии дискурса экстремизма. Похожий дискурс – дискурс терроризма – уже становился объектом специального исследования, однако анализ этого дискурса проводился на материале двух выступлений политических лидеров [13], что недостаточно для характеристики дискурса и требует дальнейшего исследования.

Цель работы – выявление особенностей дискурса экстремизма как одной из разновидностей дискурса в системе функционирования современного языка.

Материалы и методы

Материалами исследования послужили объекты (тексты) судебных лингвистических и психолого-лингвистических экспертиз по делам экстремистской направленности, проведенных в ФБУ Саратовская лаборатория судебной экспертизы Минюста России в 2015–2017 гг. Следует отметить рост количества экспертиз по данной категории дел в последние годы. При исследовании использовали методы лингвистического анализа: лексико-семантического, стилистического, семантического и коммуникативно-прагматического.

Результаты и обсуждение

В качестве предмета обсуждения участники дискурса экстремизма выбирают национальные, религиозные, социальные груп-

пы, действия различного характера, а также темы философской и идеологической направленности.

Диалогичность проявляется и в жанрах монологической, и в жанрах диалогической речи.

Диалогические формы речи. В жанрах диалогической речи осуществляется взаимодействие адресата и адресанта, нередко конфликтного негармоничного характера [5, 14]. Часто встречается диалог-диссонанс (по классификации Т.Н. Колокольцевой [5] – диалоги-споры и диалоги-ссоры), который характеризуется следующими признаками: «1) несогласованностью или даже конфронтативностью речевых стратегий и тактик собеседников; 2) возможностью неприемлемой хотя бы для одного из участников тональности речи; 3) отсутствием подлинной заинтересованности предметом обсуждения и содержанием высказанного; 4) вербальным или паралингвистическим выражением негативных установок по отношению к содержанию речи или к личностным особенностям собеседника; 5) отсутствием эффективного результата коммуникативного акта» [5, с. 169].

Часто активное коммуникативное взаимодействие происходит в сети Интернет, где общение имеет информационно-фатический характер [8, 15], то есть коммуникация направлена на передачу информации и на установление контакта с собеседником. Площадкой для общения могут быть выбраны блоги, чаты, обсуждения в социальных сетях и т. д.

Пользователи, не видя друг друга, нередко анонимно либо под вымышленными именами обмениваются экспрессивными высказываниями, не исключается употребление обсценной и вульгарной лексики. На фоне межличностной неприязни коммуниканты используют экспрессивно-оценочную лексику, относящуюся к группе, объединенной по национальному признаку, – жителям Кавказа и Средней Азии. В высказываниях пользователей указаны признаки, характерные для их предков, которые оцениваются негативно. Таким образом, происходит диалог конфликтного типа. Кроме того, участники диалога взаимодействуют друг с другом, применяя при этом коммуникативную стратегию дискредитации, используют тактики дистанцирования, аргументированного обвинения, нападения.

С данными стратегиями перемежается и стратегия самопрезентации, которая реализуется через тактики солидаризации (внешней и внутренней), агитации, выгодного сравнения. Как отмечает Н.С. Ширяев, «в целом стратегия самопрезентации является одной из наиболее важных коммуникативных стратегий, применяющихся в рамках политического и политического медийного дискурса»¹; добавим, что это же касается дискурса экстремизма.

Такое сочетание стратегий нередко применяется в случае убеждения адресата.

Монологические формы речи. При отсутствии открытого диалогического взаимодействия коммуникантов в монологических жанрах (например, статьях, заметках и пр.) дискурс экстремизма также проявляется диалогическая направленность. Так, статья «О сионистских реформах русского языка», автором которой указан В.А. Аристов, член русской национальной секции Международного общества прав человека, содержит такую диалогическую направленность. Автор использует стратегию убеждения адресата в истинности и правильности своей точки зрения через самопрезентацию. В данной статье содержится информация о реформах, проводимых в России, в частности большое внимание уделяется реформе русского языка и ее негативной оценке автором.

Автор статьи заявляет об имеющейся проблеме – стремлении группы² осуществить реформу русского языка. По мнению автора, такая реформа проводится сионистами с целью снижения интеллектуального уровня и дальнейшего порабощения русского народа: *Правящая в России оккупационная сионистская власть стремится всё время проводить какие-то реформы. Реформ этих множество, и они проводятся в разных областях: экономика, законодательство, государственное строительство, образование, культура, этика, военная ре-*

¹ Ширяев Н.С. Коммуникативные стратегии репрезентации национальной идентичности в политическом медиадискурсе (на материале английского и французского языков): дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2017. 195 с. (С. 74.)

² Для ее номинации используются выражения *правящая в России оккупационная сионистская власть, сионисты*. Здесь актуализируется значение слова «сионист» – последователь сионизма. Термин «сионист» всегда имел отрицательное значение. Им обозначали придерживающихся идеологии крайнего национализма, шовинизма и расизма среди евреев.

форма и т. д. Много лжи и демагогии через СМИ выливается на головы граждан.

На самом деле цель этих всех сионистских реформ одна – уничтожение русской культуры и закабаление русского народа, превращение русского народа в глупое и послушное стадо рабов.

Проводится противопоставление групп «свои» (русские) и «чужие» (сионистская власть). «Своя» группа оценивается автором положительно, «чужая» группа – отрицательно, для ее номинации используются слова с негативной оценочной семантикой (жиды, жидокоммунисты, сионистская мафия).

В статье перечисляются действия правящей власти, которые расцениваются как противоречащие интересам русского народа. К таким действиям автор относит появление алфавита вместо азбуки, «уничтожение» некоторых букв, появление приставки бес-, которая служит для прославления беса, подмена смысла слов (например, слова «национализм» и «расизм» получили резко отрицательную оценку) и т. д.

В статье противопоставляются интересы двух групп (русских и евреев), а также подчеркивается разрушительный характер действий евреев по отношению к русским. Автор считает, что целью евреев является стремление к мировому господству: *А для*

того чтобы объединить всё человечество, нужно поломать нации, национальные государства и сделать общемировое государство с общемировым правительством, где наверху будут сидеть международные швондеры, а внизу – международные шариковы.

Убеждая читателя принять данную точку зрения, автор статьи побуждает к осуществлению в отношении языка группы «евреи» действий, направленных, с его точки зрения, на его упрощение: *Сегодня в еврейском алфавите 22 буквы. Ну, куда евреям столько букв? Это явно чересчур. Надо оставить им две, три буквы, этого вполне хватит, и слов оставить штук 100–150. Этого хватит, чтобы выразить основные мысли.* Тем самым выражается негативное отношение к данной группе.

Заключение

Основной характеристикой дискурса экстремизма, на наш взгляд, является его диалогичность. Среди признаков данного дискурса мы выделили такие, как значимая роль адресата и адресанта, использование коммуникантами стратегий самопрезентации и дискриминации, противопоставленность групп «свои» и «чужие», актуализация концептов «свой» и «чужой».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кожина М.Н. Диалогичность как категориальный признак письменного научного текста / Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. Т. 2. Стилистика научного текста (общие параметры). Ч. 2. Категории научного текста: функционально-стилистический аспект. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1998. С. 124–195.
2. Прохвятилова О.А. Внешняя диалогичность звучащей православной проповеди / Мир православия. Сб. научных статей. Вып. 2. Волгоград: ВолГУ, 1998. С. 97–108.
3. Борисова И.Н. Русский разговорный диалог. Структура и динамика. М.: ЛКИ, 2007. 320 с.
4. Балаян А.Р. К проблеме функционально-лингвистического изучения диалога // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1971. Т. 30. № 4. С. 325–331.
5. Колокольцева Т.Н. Специфические коммуникативные единицы диалогической речи. Волгоград: ВолГУ, 2001. 257 с.

REFERENCES

1. Kozhina M.N. Dialogicality as a Category Feature of a Written Academic Text. *Essays on the History of Scientific Style of the Literary Russian Language in XVIII–XX centuries. Vol. 2. The Style of a Scientific Text (Common Parameters). Part 2. The Categories of an Academic Text: Functional and Stylistic Aspect.* Perm': Perm university, 1998. P. 124–195. (In Russ.)
2. Prokhvatilova O.A. External Dialogicality of a Sounding Orthodox Sermon. *The World of Orthodoxy. The Collection of Scientific Articles. Issue 2.* Volgograd: VolGU, 1998. P. 97–108. (In Russ.)
3. Borisova I.N. *A Russian Spoken Dialogue. Structure and Dynamics.* Moscow: LKI, 2007. 320 p. (In Russ.)
4. Balayan A.R. On the Problem of a Functional and Linguistic Study of a Dialogue. *The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language.* 1971. Vol. 30. No. 4. P. 325–331. (In Russ.)
5. Kolokol'tseva T.N. *Specific Communicative Units of Dialogic Speech.* Volgograd: VolGU, 2001. 257 p. (In Russ.)

6. Плахотная Ю.И. Диалогический дискурс в когнитивном аспекте // Вестник Челябинского гос. университета. 2011. № 25 (240). Вып. 58. С. 135–137.
7. Хохловская О.Г. К вопросу о проблемах комплексного экспертного анализа экстремистского дискурса / Современная теоретическая лингвистика и проблемы судебной экспертизы. Сб. научных работ по итогам Междунар. науч. конф. (Москва, 1–2 октября 2019 г.). М.: Гос. ин-т русского языка им. А.С. Пушкина, 2019. С. 166–172.
8. Голошубина О.К. Разговор в мессенджере как специфический жанр интернет-коммуникации // Вестник Омского университета. 2015. № 1 (75). С. 208–212.
9. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
10. Дементьев В.В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. 600 с.
11. Хурматуллин А.К. Понятие дискурса в современной лингвистике // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2009. Т. 151. № 6. С. 31–37.
12. Ван Дейк Т.А. К определению дискурса. Л.: Сэйдж пабликэйшенс, 1998. 384 с.
13. Вострикова И.Ю. Дискурс терроризма в системе специальных дискурсов // Альманах современной науки и образования. 2009. № 8 (27). С. 27–31.
14. Ильенко С.Г. Стилистические и синтаксические аспекты диалогичности / Исследования по художественному тексту. Материалы 3-х Саратовских чтений по художественному тексту (Саратов, 20–23 июня 1994 г.). Саратов: Саратовский пед. ин-т, 1994. С. 19–21.
15. Grafton K. Situating the Public Social Actions of Blog Posts. In: Giltrow J., Stein D. (eds). *Genres in the Internet: Issue in the Theory of Genre*. Amsterdam: John Benjamins Publishing, 2009. P. 85–112.
6. Plakhotnaya Yu.I. Dialogical Discourse in the Cognitive Aspect. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2011. No. 25 (240). Issue 58. P. 135–137. (In Russ.)
7. Khokhlovskaya O.G. On the Issues of the Comprehensive Expert Analysis of the Extremist Discourse. *Contemporary Theoretical Linguistics and the Problems of Forensic Expertise. Collection of Scientific Papers on the Results of the International Scientific Conference (Moscow, October 1–2, 2019)*. Moscow: Pushkin State University of Russian Language, 2019. P. 166–172. (In Russ.)
8. Goloshubina O.K. The Speech Genre “Conversation in the Messenger” As a Specific Genre of Internet Communication. *Herald of Omsk University*. 2015. No. 1 (75). P. 208–212. (In Russ.)
9. Karasik V.I. *Language Circle: Personality, Concepts, Discourse*. Volgograd: Peremena, 2002. 477 p. (In Russ.)
10. Dement'ev V.V. *The Theory of Speech Genres*. Moscow: Znak, 2010. 600 p. (In Russ.)
11. Khurmatullin A.K. The Concept of Discourse in Modern Linguistics. *Proceedings of Kazan University. Humanities Series*. 2009. Vol. 151. No. 6. P. 31–37. (In Russ.)
12. Van Deik T.A. *On the Definition of Discourse*. Leningrad: Seidzh pablikeishens, 1998. 384 p. (In Russ.)
13. Vostrikova I.Yu. Discourse of Terrorism in the System of Special Discourses. *Almanac of Modern Science and Education*. 2009. No. 8 (27). P. 27–31. (In Russ.)
14. Il'enko S.G. Stylistic and Syntactic Aspects of Dialogicality. *Studies on Literary Text. Materials of 3 Saratov Readings on Literary Text (Saratov, June 20–23, 1994)*. Saratov: Saratovskii ped. in-t, 1994. P. 19–21. (In Russ.)
15. Grafton K. Situating the Public Social Actions of Blog Posts. In: Giltrow J., Stein D. (eds). *Genres in the Internet: Issue in the Theory of Genre*. Amsterdam: John Benjamins Publishing, 2009. P. 85–112.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бердникова Татьяна Владимировна – к. филол. н., доцент, главный государственный судебный эксперт лаборатории судебной лингвистической экспертизы ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России; e-mail: syntax2@yandex.ru

Статья поступила: 13.08.2020
После доработки: 20.09.2020
Принята к печати: 25.09.2020

ABOUT THE AUTHOR

Berdnikova Tat'yana Vladimirovna – Candidate of Philology, Associate Professor; Chief State Forensic Expert, the Russian Federal Centre of the Russian Federation Ministry of Justice; e-mail: syntax2@yandex.ru

Received: August 13, 2020
Revised: September 20, 2020
Accepted: September 25, 2020